

Бурный рост Китая привёл к тому, что он, несмотря на внешнюю монолитность, раздираем противоречиями, которые (как и не менее значимые, хотя намного лучше известные американские противоречия) важны при оценке его перспектив.

Некоторые ключевые внутренние проблемы Китая

С начала нулевых руководство Китая бьётся над снижением **зависимости от экспорта**, стремясь нарастить внутренний спрос так, чтобы развиваться в основном за его счёт.

Экспортная ориентация была локомотивом Китая вплоть до начала нулевых. Доля экспорта в ВВП выросла с 3% в 1970 году до 5,7% в 1975-м, с 7% в 1980-м до 9,3% в 1985-м, с 13,9% в 1990-м до 19,1% в 1995-м и до 23% в 2000 году. Несмотря на все усилия, стремительный рост экспортной зависимости продолжался; в 2005 году доля экспорта в ВВП составила головокружительные 33,5%, а в 2006-м достигла максимума в 35,7%. Затем усилия по развитию внутреннего рынка начали приносить плоды, и экспортная зависимость стала снижаться – до 26,4% в 2010-м, 21,7% в 2015-м, 19,6% в 2016-м, 18,8% в 2017-м и 18,6% в 2018 году. Замедление снижения – признак истощения возможностей роста ёмкости внутреннего рынка и требует либо его интенсификации (не ясным пока способом), либо активизации внешнеэкономических связей (что выражается в стратегии “один пояс и один путь”, подрываемой экономической агрессией США).

Переориентация на внутренний спрос для Китая – жгучая необходимость. Нарастание глобального кризиса ограничивает спрос развитых стран, вынуждает их усиливать протекционизм, ограничивая возможности китайского экспорта. Срыв же мира в Глобальную депрессию и распад глобальных рынков на макрорегионы и вовсе сократит и дезорганизует международную торговлю.

Однако переориентация с экспорта на внутренний рынок болезненна и экономически, и политически, так как снижает рентабельность бизнеса.

В сочетании с торможением роста экономики (как ограниченностью внешнего спроса, так и растущей нехваткой воды, почвы и энергии) это **подрывает ожидания** китайцев, на протяжении жизни более чем поколения привыкших почти каждый день жить ощутимо лучше, чем вчера.

Острее всего переживают это самые активные социальные группы, выигрыш которых от прогресса Китая был и остаётся максимальным. Они жаждут продолжения улучшения своей жизни прежними колоссальными темпами, в том числе даже за счёт деградации основной, более пассивной части населения.

Это естественный либеральный подход, и именно для блокирования его (а не только для снижения коррупции, становящейся непосильной по мере замедления экономического роста) китайское руководство всерьёз занялось демократизацией. Лишь интересы “широких народных масс” способны сдерживать алчность бизнеса и обслуживающей его интеллигенции*.

В свете изложенного, поражение либерального клана на XVIII съезде КПК в 2012 году закономерно. Лидер либералов Ху Цзиньтао не сохранил, вопреки казавшемуся непоколебимым обычаю, власть над военными структурами после ухода с высшего поста в государстве. А из всех либералов в Постоянном комитете ЦК КПК остался лишь один – премьер Ли Кэцян (для чего даже сократили численность этого высшего органа управления). И дело не только в его действительно выдающихся способностях: его должность автоматически сделала бы его “крайним” в случае представившихся тогда вероятными (по вполне объективным причинам) проблем в развитии Китая.

Уменьшение ресурсов общества и питаемых им надежд объективно требует большего внутреннего равенства, – и, соответственно, демократии, действительно ограничивающей естественное желание либералов передать ограниченные ресурсы “наиболее эффективным” собственникам и менеджерам.

Но для сдерживания порождаемых успехами общества либеральных устремлений частичной демократизации мало: надо усиливать контроль за обществом. Китай, в отличие от США и ЕС, не наладил всеобъемлющую систему косвенного контроля за общественным сознанием. Поэтому ужесточается прямой контроль, который, в отличие от косвенного, ощущается людьми, особенно творческими и образованными, и воспринимается ими болезненно как ограничение неотъемлемых свобод личности (пусть и сознающей оправданность этого ограничения).

Помимо естественных социально-политических напряжений, это затруднит организацию массового свободного творчества, которой китайское руководство занимается с начала нулевых. Разумеется, не по сентиментальным, а сугубо по прагматическим причинам: такое творчество – необходимая предпосылка борьбы за лидерство в постиндустриальной экономике. Между тем, коллективистская культура Китая (как и ряда других стран Азии) по своей природе отторгает творцов, хоть и благоприятствует изощрённому копированию и улучшению уже достигнутых и общественно признанных результатов.

Задача организации в Китае массового созидательного творчества (прежде всего, конечно, научно-технологического), возможно, не имеет решения, так как общество не может переломить свою культуру, даже осознавая необходимость этого. Но потребность в ужесточении контроля для более равномерного распределения ресурсов (а социальное неравенство в Китае давно достигло американского уровня) ещё более усложняет её.

Необходимость решать крайне трудную задачу, одновременно лишая себя требуемых для этого социальных ресурсов, порождает колоссальное **внутреннее напряжение**, которое усиливается психолого-демографическим фактором, вызванным сочетанием культуры с реформами недавнего прошлого.

Ограничение рождаемости (по принципу “одна семья – один ребёнок”) в крестьянской культуре, воспринимающей рождение девочки как несчастье, создало **демографический перекос**. Уже сейчас, как минимум, несколько десятков миллионов молодых китайцев физически лишены возможности найти себе жену, что повышает внутреннюю агрессию в обществе.

* Характерно, что наиболее выдающееся достижение в деле демократизации и обеспечения прав человека – отмена Си Цзиньпином сразу после его прихода к власти практики внесудебной отправки в “трудолюбивые лагеря” (по сути, по представлению общест-венности и местной милиции) – осталось полностью незамеченным большинством российских и западных специалистов.

По данным ООН, в 2018 году в Китае на 100 женщин в возрасте 15–29 лет приходилось 280 мужчин того же возраста. По оценкам, к 2026 году на 1 женщину 15–19 лет будет приходиться более трёх мужчин. Выправление этого перекоса даже в лучшем случае займёт десятилетия.

При этом в жизнь входит поколение “маленьких императоров” – избалованных единственных детей, над которыми всю их жизнь, как над единственным продолжением рода, тряслись многочисленные родственники и которые считают себя пупом Вселенной (до такой степени, что порой позволяют себе кричать на мать при не просто посторонних, но и не-китайцах).

И венчается эта сложная, многомерная демографическая ситуация **сменой поколений в руководстве Китая**: критически значимая часть средних и высших позиций в нём занята выпускниками западных по типу воспитания вузов. Это не патриоты, а “эффективные менеджеры”, стремящиеся к личным достижениям, а не общему благу. Поколения их предшественников служили Китаю потому, что это Китай; новые же поколения руководителей служат Китаю лишь потому, что это выгодно, и, вероятно, только пока это остаётся таковым.

Си Цзиньпин осознал, что уже его преемник будет принадлежать к их кругу, и сломал тенденцию, прекратив обучение руководителей по западным стандартам. Но подготовленный по ним слой элиты, несмотря на системную борьбу с коррупцией (масштабы и тем более длительность которой давно оставили позади Большой террор 1937–1938 годов*), продолжает занимать ключевые позиции и успешно делать карьеру.

А ведь замена лидеров, сражающихся за будущее своего народа, пусть даже и добросовестными, но всего лишь отличниками, жаждущими не результата для всех, а хороших отметок для себя (как показывает пример многих стран Европы и, в особенности, Израиля), делает управление контрпродуктивным и, скорее всего, служащим не своей стране, а глобальному бизнесу или обслуживающей его международной бюрократии.

И, несмотря на все усилия политического руководства Китая, эта угроза остаётся реальной.

* * *

Объективные трудности Китая и вероятный провал его глобального проекта важны для России из-за нашей чудовищной слабости. В конце 1940-х Маньчжурия была заселена так же редко, как и нынешнее Забайкалье. Дальнейшее игнорирование потребностей азиатской части России приведёт к её утрате даже без сознательной вмешательства китайского государства.

Между тем стихийный патриотизм, порождаемый успехами Китая, крепнет на глазах. Китайское общество всё более массово и энергично возмущается разворовыванием и разрушением богатейших ресурсов России отечественной бюрократией. Когда этот патриотизм станет нельзя более “кормить” ростом уровня и качества жизни, проблема нарастания внутреннего напряжения может быть решена “сбрасыванием” излишней агрессии вовне, в том числе и на нас. Такое решение проблемы (хоть и временное) может быть реализовано без формальной причастности к нему китайского государства.

Избежать этой опасности вождельным для Запада охлаждением отношений с Китаем (к требованию которого сводилась, например, уже забытая из-за своей нелепости пресловутая “перезагрузка” американо-российских отношений) нельзя. Напротив, надо всеми силами крепить стратегическое партнёрство с Китаем, улучшать взаимопонимание и наращивать интеллектуальные контакты, чтобы взаимопомощь в вопросах стратегического прогнозирования и управления превратила бы партнёрство в прочные союзнические отношения.

Тесная координация с Китаем нужна и потому, что успешная модернизация России ограничит китайский импорт: мы многое вновь станем производить сами, лишив китайский бизнес привычной и ставшей уже необходимой

* В начале развёртывания борьбы с коррупцией крупные российские корпорации зачастую испытывали трудности в переговорах с китайскими госкомпаниями, так как до трети их высших и средних менеджеров находились под следствием и, продолжая работать, боялись принимать любые решения.

для него прибыли. Это не ухудшит наши отношения, лишь если к тому времени они будут по-настоящему близкими.

Пока же успехи Китая – оглушительная пощёчина России. Рыночное развитие Китая началось в качественно худших, чем наши, условиях и опиралось именно на нашу, советскую модель как экономики, так и управления.

Китай как сейчас, так и во всем обозримом будущем нуждается в мощной России как в надёжном партнёре и “стратегическом тыле” в противостоянии с Западом. Но если отказ российской бюрократии от прогресса не даст нам выполнить эту функцию, мы станем для Китая куском еды на его тарелке.

Как китайская культура блокирует китайское лидерство

На протяжении своей 4700-летней письменной истории Китай регулярно переживал периоды возвышения и падения.

Принципиальное отличие от других цивилизаций заключается не в самой цикличности развития, а в способности Китая (роднящей его с Россией) неуклонно выживать в своих падениях, которая и позволяет проявиться этой цикличности.

Расцвет цивилизации сопровождался быстрым накоплением богатств и усложнением социума.

Первое усиливало социальную напряжённость, так как бесправные и удерживаемые на грани выживания низы начинали требовать своей доли общественного пирога (а разнообразные тайные общества, опирающиеся на беднейших крестьян, но имеющие заметное политическое влияние, исторически являются такой же естественной и неотъемлемой формой самоорганизации китайского общества, что и семья).

Второе способствовало усложнению и разбуханию бюрократии, которая становилась слишком масштабной и потребляла чрезмерную часть общественного продукта, запутываясь в себе самой и утрачивая эффективность.

В результате естественный рост протестов накладывался на столь же естественную деградацию управления, что создавало кризис, иногда разрешаемый внешним завоеванием.

Качество китайской культуры (включая, разумеется, управление и производство) было так высоко, что завоеватели, будь они маньчжурами (как в случае последней династии), или соседями, или крестьянами, не заменяли её своей, но старались использовать её, вливая своё вино в имперские мехи и быстро перерабатываясь в соответствии с их стандартами.

Китайская культура, включая механизм управления, таким образом, перерабатывала внутренние и внешние разрушающие влияния, сохраняя себя в целостности и медленно совершенствуясь, не смотря на чудовищные социальные катаклизмы и жертвы.

Накопление значительного количества внешних вызовов и внутренних диспропорций (как и достигнутое процветание) позволяет опасаться приближения Китая к качественному перелому: традиционной смене тенденции от возвышения к новому провалу и погрузению во внутреннюю смуту.

Самые разнообразные показатели – от динамики экономики до смены общественной психологии, а также экспертные заключения указывают на 2021–2022 годы как на период возможного драматического внутрикитайского катаклизма.

Разумеется, он далеко не предопределён, но по ряду направлений своего развития Китай вплотную приблизился к пределу своих возможностей, кажущемуся объективным.

Прежде всего, уверенное и, что не менее важно, независимое развитие Китая поневоле превратило его во второе по значимости и влиянию государство мира после США.

Естественное стремление обезопасить себя от возможных американских ударов диктует ему превращение во вторую сверхдержаву. Начав формирование ряда авианосных соединений (флотов, по американской терминологии), а также создание надёжного транспортного трансевразийского пути на европейский рынок, Китай начал быстрое движение по этому пути.

Уже произошедший возврат от “однополярного мира” тотального американского доминирования к новой биполярной системе (при которой история человечества заключается в противостоянии сколь угодно тесно связанных

экономические США и Китая, сдерживаемом “актерами второго уровня” в виде ЕС, Японии, Индии и, если удастся, России) превращает Китай и Пекинский консенсус в альтернативу американскому пути развития и Западу в целом, в новую надежду для всего мира.

Самому Китаю это категорически не нужно: играть роль примера для всего человечества он не хочет и не может, в первую очередь, потому, что оно ему глубоко безразлично.

Китайская скромность (до начала 10-х годов XXI века его руководители провозглашали его бедной страной и получали помощь ООН) и нежелание играть какую бы то ни было глобальную роль вызваны далеко не только завещанным Дэн Сяопином стремлением беречь силы для развития и избегать конфликта с США, пока в нём Китаю не будет гарантирована победа.

Намного важнее то, что Китаю действительно безразличен остальной мир: китайская культура предельно китаецентрична, и лидерство в мире, населённом варварами, является для её носителя несчастьем и трагедией и потому не может быть целью.

Поэтому китайские специалисты искренни, когда отрицают претензии Китая на глобальное лидерство и отказываются даже обсуждать конфликты, не затрагивающие его интересы прямо (правда, по мере роста его влияния таковых всё меньше).

Глобальное лидерство действительно не может быть целью носителя китайской культуры по той же причине, по которой большинство нормальных взрослых не может прельститься лидерство в группе дошкольников.

Стремление Мао Цзэдуна к популяризации своих идей вне Китая и к его превращению в лидера “третьего мира” было лишь проявлением постколониального синдрома, жажды доказать (в первую очередь, самому себе) своё равноправие с “великими державами”. По достижении цели (причём мирным – социально-экономическим прогрессом) о ней благополучно забыли.

Китай по своей природе смотрит не вовне, а внутрь себя. Стремительное расширение его влияния, вызванное погоней за истощающимся спросом, а затем и ресурсами, поставило его в глубоко противоестественное, противоречащее всем диктуемым его культурой склонностям положение, чреватое постыдным и болезненным внутренним напряжением.

Хотите смутить китайца – выразите ему свой восторг уверенным продвижением Китая к глобальному лидерству. Когда это сделал президент В. В. Путин, китайские комментаторы буквально разрывались между желанием не обидеть его и необходимостью исправить допущенную им содержательную ошибку: Китай думает о себе, а не об отношении к себе окружающего мира.

Но Китай не может и игнорировать окружающий мир. Один из парадоксов его стремительного возвышения – качественное усиление внешних влияний на него и осознание китайским руководством (с середины нулевых годов XXI века) своей неспособности не то что контролировать, но и просто прогнозировать реакцию остального мира на свои успехи.

Развиваясь в соответствии со своими потребностями, Китай осуществляет мощную и разнобразную экспансию, изменяя окружающий мир. Но в силу культурно обусловленной замкнутости на себя он глух к нему и не может в полной мере оценивать последствия своих действий для мира и, соответственно, его ответную (в том числе и стихийную) реакцию на них.

Сначала это полагали “болезнью роста” из-за временного опережения масштабами деятельности Китая его аналитических возможностей. Но сохранение ситуации вот уже скоро 15 лет порождает подозрения в том, что не универсалистская, а этнически ориентированная культура Китая сдерживает его возможности понимать представителей иных культур.

Это затрудняет развитие, но, главное, кладёт вряд ли преодолимую преграду его превращению в мирового лидера.

Помимо того, что Китай не хочет им быть, он и не может им быть, ибо мировой лидер невозможен без универсальной ценности, предлагаемой им остальному миру.

Этноцентричность китайской культуры, её ориентированный на саму себя, категорически не мессианский характер исключает возможность её превращения в глобальную альтернативу универсалистским и экспансионистским идеологиям вроде западного либерализма, политического ислама или всё более (пусть пока и потенциально) актуального коммунизма.

Китай существует для китайцев, а китайцем нельзя стать, им можно только родиться. Поэтому Китай, подавая миру пример успешного развития на основе собственных сил, не может объединить мир вокруг себя в альтернативном проекте.

Си Цзиньпин, придя к власти на XVIII съезде КПК в 2012 году, провозгласил всё человечество (в том числе и то, которое затем стала объединять стратегия “один пояс и один путь”) “сообществом единой судьбы”*. Это было выражение как нового, глобального масштаба китайского проекта, так и формулой китайской, а не американской глобализации, и предложением отказаться от применения в глобальной конкуренции единственного ресурса, по которому Китай в обозримом будущем оставался слабее США, — военной силы. Однако одновременно с этим Си Цзиньпин продвижением этой концепции пытается** и преобразовать китайский проект (или хотя бы изменить его имидж), сделав его открытым для некитайцев и придав ему новое, интернациональное измерение.

Но переломить концепцией культурную матрицу нельзя, и в основном ритуальное внимание, уделяемое “Сообществу единой судьбы” даже в самом Китае, служит тому подтверждением. Китайцы знают, что у них своя судьба, а судьба шриланкийцев, зимбабвийцев и даже американцев их мало интересует.

Другое ограничение, рассмотренное выше, — сдерживание свободы творчества рамками культурно обусловленного коллективизма. Китайское руководство вот уже почти 20 лет прилагает титанические усилия для преодоления этого барьера, но нет уверенности, что народ сможет преодолеть ограничения своей собственной культуры.

Между тем, не начав массово открывать новые технологические принципы и создавать на их основе свои технологии, Китай не сможет стать независимым от Запада.

Не создав собственных технологий и вынужденно пользуясь технологиями своих конкурентов, он не освободится от их влияния и не победит их в глобальной конкуренции. Совершенствование технологий порождает технологический монополизм: их обладатель получает основную часть доходов от их использования, а главное — удерживает всех пользователей (даже контрабандных, не платящих за их применение) в рамках своей технологической парадигмы и связанных с ней стандартов (в том числе управления), не давая им разрабатывать оригинальные подходы и самим получать связанную с этим сверхприбыль.

Ограничение доходов и доступных технологических решений надёжно удержит Китай в зависимости, символом которой стала так называемая “ловушка высоких технологий”.

Таким образом, беспрецедентно долго и успешно развиваясь, Китай идёт к положению глобального лидера, не желая этого и не имея возможности стать им в полной мере, — ни в культурно-политическом, ни в технологическом плане.

Это поразительное противоречие реальности не только с желаниями, но и с возможностями опасно для него.

Стремясь к достижению независимости от Запада и к возвращению естественного для себя положения наиболее мощной цивилизации мира, Китай не может предложить человечеству войти в свою цивилизацию в силу её этнической ограниченности и даже замкнутости.

Кроме того, его возможности и в целом прогресс жёстко ограничиваются фундаментальным для него и отнюдь не движущим противоречием между китаецентричной и подавляющей свободу творчества культурой Китая и объективными потребностями его приближения к глобальному лидерству.

Его движение к могуществу будет успешно лишь при достижении технологического суверенитета, что требует (для обеспечения массового свободного творчества) преодоления своей культуры, — скорее всего, невозможного.

* Интересно, что это название повторяет “Союз общей судьбы (SOS)” — политическое движение, которое в романе В. Аксёнова “Остров Крым” возвращает Крым в состав брежневского СССР с катастрофическими последствиями.

** Ещё раз подтверждая признак эффективного стратега — одним шагом преследовать несколько разных целей на разных уровнях и в разных сферах.

Таким образом, **возвышение Китая наталкивается** не только на недостаточность его экологического потенциала или спроса, который может предьявить человечество на его товары, но на ограниченность его цивилизационной природы – **на барьеры, воздвигаемые его собственной культурой**.

Столкновение с этими барьерами, вынуждая Китай пытаться преобразовать собственную социально-психологическую природу, грозит ему огромным и пока не осознаваемым перенапряжением, способным вновь привести эту великую цивилизацию к, разумеется, временному, но от этого отнюдь не менее разрушительному (в том числе и для остального мира) краху.

Таким образом, существует значительный риск того, что в 2021–2022 годах Китай обрушится в системный кризис, что и сорвет человечество в глобальную депрессию.

Такое развитие событий наиболее вероятно, хотя нельзя исключить других вариантов, – например, срыва в глобальную депрессию по причинам, не связанным с Китаем, или удержания глобальной финансовой стабильности экстраординарными мерами в течение некоторого времени и после снижения роста его ВВП ниже представляющихся пороговыми 4–5% в год.

“Один пояс и один путь” – попытка прорыва из исторической цикличности

Эти проблемы, ограничения и противоречия были подробно проработаны китайским руководством (в том числе во взаимодействии с иностранными специалистами) уже к началу 10-х годов XXI века. Результатом стали глубокие, комплексные и последовательно развёртывающиеся реформы Си Цзиньпина – от концепции “Сообщества единой судьбы” к провозглашению “китайской мечты” и далее – через стратегию “один пояс и один путь” к созданию нового, глобального Китая. Китайские и российские аналитики уже в 2014 году отмечали, что последовательность, оригинальность, разнообразие и внутренняя связность реформ Си Цзиньпина свидетельствуют о наличии не разглашаемой им и его окружением долгосрочной стратегии, требующей для реализации нарушения правила ограничения пребывания на высшем уровне власти двумя сроками*.

К приходу к власти Си Цзиньпина (в конце 2012 года, а преемником он был назначен по традиции КНР за 5 лет до этого) Китай создал полноценную современную инфраструктуру и попал в “ловушку развитых стран” – отсутствие крупных объектов для инвестирования. Соответственно, были исчерпаны возможности развития, связанные с расширением спроса и, соответственно, углублением разделения труда; возможности для полноценно производительного применения национального капитала были в целом исчерпаны.

Перед Китаем был распахнут путь, которым до него, на рубеже 70-х и 80-х годов XX века пошёл Запад: расширение рынков и сфер приложения капитала переориентацией с производительной на спекулятивную деятельность. Однако это коренным, принципиальным образом изменило бы характер национального капитала, эмансипировав его от общества и не только освободив его от ответственности перед народом, но и объективно противопоставив его народу Китая. Из инструмента саморазвития народа национальный капитал стал бы инструментом его беспощадной эксплуатации в интересах развития и поддержания глобальных спекулятивных рынков, а китайское руководство из выразителей воли и интересов народа превратилось бы (как это случилось на Западе и в 1990-е – полностью, а позже – лишь отчасти и в России) в региональных менеджеров глобальных спекулянтов, пусть и китайского происхождения, подавляющих народ и разрушающих общество ради своих сверхприбылей.

* Того же требовало и прозападное перерождение значительной части даже высшей китайской элиты: чтобы преемник Си Цзиньпина был патриотом Китая, а не прозападным по мировоззрению менеджером, его предстояло выковать заново в горниле новых реформ. Интересно, что самое позднее с 2017 года китайские источники, ранее указывавшие в качестве стратегического ориентира исключительно 2049 год – год 100-летия КНР, – стали выделять в качестве такого ориентира, носящего промежуточный характер, и 2035 год. Это вызвано не только темпами развития Китая, в целом превышающими плановые, но и наличием неофициальной стратегии, проработанной именно на этот срок.

Это было неприемлемо политически, в том числе и потому, что компрадорская буржуазия уже шла (при Чан Кайши) по этому пути и делом доказала его порочность и недееспособность. И само выдвижение и победа Си Цзиньпина (выдвиженца тех, кто непосредственно побеждал эту буржуазию на полях сражений и сына одного из них) стало символом категорического отказа от этого пути не только китайского руководства, но всего китайского общества.

Выход из “ловушки развитых стран”, из тупика переинвестирования собственной территории был найден совершенно другой — освоение мира: выплёскивание накопленных Китаем капиталов вовне для создания глобальной инфраструктуры, соответствующей его нуждам, и, в конечном счёте, для преобразования в его интересах всего человечества.

Косвенным подтверждением выношенности этого решения и понимания его последний стал категорический отказ ещё в 2009 году от прямого предложения Обамы объединить стратегические и в значительной степени тактические усилия двух стран на основе продвигавшейся в США с 2005 года концепции G2 (*Chimerica* — “американо-китайский кондоминиум”), разработанной, как минимум, с участием китайских лоббистов при лидерстве Киссинджера, с прямым указанием на нежелание быть младшим партнёром.

Безусловно, эта откровенность, вызванная осознанием своей новой силы и нового влияния (в том числе благодаря потрясавшей стабильности Китая в кризисе 2008–2009 годов), была грубой ошибкой. Именно из-за неё США начали окружать Китай кольцом современного оружия, системно модернизируя и укрепляя свои базы вокруг него и против него. Двусмысленность, притворство и изображение покорного сотрудничества, столь эффективные в прошедшие десятилетия, кардинально замедлили бы осознание американцами проблемы, которой стремительно стал для них Китай в XXI веке.

Однако тот попал в ловушку самовлюблённости, а его представители стали вести себя откровенно чванливо. Проглядев жёсткую реакцию США на отказ от G2, они не осознали свои ошибки и, не исправив придворную бюрократившуюся аналитику, усугубляли их. Так, китайское руководство всерьёз и до последнего момента верило в победу Клинтон, а потом в то, что Трамп — просто торгаш, которому нужны деньги и который развязывает торговые войны исключительно в коммерческих целях. Между тем, Трампу как не просто, а именно американскому “торгашу” нужны не деньги, а уничтожение конкурента — Китая. Ему нужно остановить Китай раз и навсегда — так же, как соглашения “Плаза” 1985 года остановили Японию (последствия удара по Германии были нейтрализованы поглощением ГДР и прорывом на рынки и к активам Восточной Европы).

Вместе с тем, эти ошибки лишь оттенили и ярче обрисовали новую роль и новое значение Китая, потому что не дали китайскому руководству скрыть их традиционной маскировкой.

Стратегия инвестиционной экспансии Китая (оформленная концепцией “один пояс и один путь”) представляла собой диалектическое, на основе принципа отрицания отрицания развитие стратегии Дэн Сяопина *go global*. Эта стратегия предусматривала вписывание в мировое разделение труда и использование его возможностей, исходила из необходимости укрепления и развития Китая при систематическом затушевывании его растущей мощи, чтобы не привлекать внимания и не вызывать враждебного конкурентного давления, пока это возможно.

Она была позицией слабого, но к приходу Си Цзиньпина Китай благодаря ей стал сильным, и трезвый учёт созданной им мощи позволил оседлать глобализацию и от использования западного разделения труда в своих целях перейти к созданию своей собственной, наиболее полно отвечающей потребностям Китая системы глобального разделения труда, перейти к прямому и открытому реформатированию *Pax Americana* в большой китайский мир.

Попутно эта стратегия была призвана, перековав американскую систему глобализации в свою собственную, китайскую, остановить уже осознанное к концу 10-х годов XXI века не только российскими, но и китайскими стратегическими аналитиками разрушение глобальных рынков и собрать их заново — на сей раз, разумеется, в интересах уже не США, а Китая.

Однако, помимо решения проблемы перенакопления капитала, стратегия Си Цзиньпина направлена на решение колоссальной социокультурной, цивилизационной задачи — вырвать Китай из дурной цикличности его истории.

На протяжении всей непрерывной письменной истории Китая (насчитывающей не менее 4700 лет) его консолидация, достижение стабильного благосостояния и общего процветания неминуемо запускали мощнейшие центробежные силы, которые разрывали Китай на части и обрушивали его в раздробленность и упадок.

В свете этой закономерности внутренним инструментом превентивной нейтрализации цивилизационной угрозы (путём опережающего купирования очагов недовольства) является система социального кредита.

Внешний же инструмент нейтрализации цивилизационной угрозы – концепция “один пояс и один путь”, которая представляет собой попытку оседлать энергию потенциального распада и перенаправить её вовне, превратив в движущую силу экспансии. Такое выворачивание китайской цивилизации наизнанку призвано снять её внутренние напряжения и противоречия превращением их в глобальные, внешние для неё и потому своим давлением не разрушающие, а, напротив, сплачивающие китайское общество и китайский народ.

Этот грандиозный замысел, возможно, и не был осмыслен в своей целостности его непосредственными участниками, занятыми решением локальных проблем, но предстаёт стороннему наблюдателю во всей своей смелости и элегантности, заслуживающей не только искреннего восхищения, но и разумной поддержки.

Вместе с тем выплёскивание внутренних противоречий и напряжений вовне, безусловно, усиливает внешние конфликты, – и беспрецедентная консолидация власти в 2017 году прозорливо, хотя и неосознанно предвосхитила торговую и гонконгскую агрессию США в следующем году (так как они оказались полной неожиданностью для китайских руководителей).

Консолидация власти

XIX съезд КПК в 2017 году оказался уникальным, ознаменовав собой отказ от ряда казавшихся незыблемыми норм, введённых ещё Дэн Сяопином. Главная из них – механизм сменяемости лидера, по сути, по американскому образцу: через каждые два срока.

Си Цзиньпин надломил его ещё при своём избрании в 2012 году, сразу же сконцентрировав в своих руках власть над армией. По “канону Дэна” в первый срок нового руководителя контроль над армией, пусть номинально, оставался в руках прежнего руководителя, что обеспечивало “преемственность власти”, а проще говоря – контроль уходящего лидера над преемником для обеспечения интересов теряющей власть группы. Сломал этот канон, Си Цзиньпин продемонстрировал волю к власти и политическую мощь.

На съезде после первого срока руководства страной, когда руководитель Китая, возглавляя армейские структуры, наконец обретал всю полноту власти, в высший орган партии – Постоянный комитет Политбюро ЦК КПК – по традиции вводился (причём по рекомендации предшественника, а не обретающего полную власть лидера) относительно молодой, но уже авторитетный политик, который должен был сменить лидера ещё через пять лет. Таким образом, созданная Дэн Сяопином система обеспечивала лидеру всю полноту власти не раньше, чем демонстрировала ему его преемника – представляющего, как правило, иную группу в руководстве Китая и выбираемого его предшественником.

На XIX съезде такого потенциального преемника в Постоянный комитет введено не было, и это не менее важный фактор укрепления власти Си Цзиньпина, чем юридическое оформление его в качестве “ядра” партии и внесение в Устав его “мыслей” как одной из основ партийной идеологии. Это формально беспрецедентно (он поставлен тем самым в один ряд с создателем новой китайской государственности Мао Цзэдуном и архитектором его экономического прогресса Дэн Сяопином, причём даже выше последнего, так как Дэн был удостоен такой чести лишь посмертно), а содержательно делает Си Цзиньпина не только неуязвимым, но и непререкаемым лидером, хотя, разумеется, преемник может появиться и внезапно, в последний момент (среди 25 членов Политбюро трое молодых, включённых в него явно “на вырост”).

Столь серьёзная концентрация власти (да ещё и беспрецедентная) в таких больших системах, как Китай, не может быть результатом только воли к власти какой-то политической группировки. Это обязательно результат глубоких

изменений всего общественного организма, на фоне которого появление даже новых групп элиты является незначительной флуктуацией.

Безусловно, в стране, охваченной жесточайшей борьбой с коррупцией, не до демократизации. О масштабах этой борьбы свидетельствуют жалобы российских переговорщиков, которым порой оказывается просто не с кем разговаривать: в некоторых крупнейших госкомпаниях Китая (что означает крупнейшие корпорации мира) под следствием находилось одновременно более трети высших и средних менеджеров. Они исправно ходили на работу и даже вели переговоры, но вот принимать какие бы то ни было решения категорически не хотели, боясь, что и они будут поставлены им в вину. Ведь каждое решение кому-то выгодно, а кому-то – нет, и чувствующая себя обиженной сторона может обвинить принявшего решение в коррупции.

Но борьба с коррупцией в Китае имеет не только юридический, внутриполитический и экономический (замедление роста экономики при росте социальных ожиданий требует перераспределения ресурсов в пользу бедных и “среднего класса”), но и глобальный аспект: это инструмент кардинального ослабления влияния Запада и укрепления суверенитета Китая при помощи оздоровления и “перекодирования” прозападного в целом китайского управленческого корпуса. Возможно, именно из-за реальной угрозы его перерождения после прихода к власти Си Цзиньпина почти обязательное до того западное обучение руководителей было прекращено (что, кстати, открывает прекрасные перспективы для части российской системы подготовки управленцев, ещё не поражённой либеральными метастазами).

Помимо оздоровления управляющего класса, концентрация власти представляется подготовкой к грядущим бурям – как экономическим (ибо глобальная депрессия несёт особенно тяжёлые последствия только что овладевшему глобализацией Китаю), так и военно-политическим.

В 2021 году в Китае намечен спуск на воду авианосца нового поколения, а вскоре – ещё одного. С учётом имеющихся двух авианосцев (купленного у Украины якобы для парка аттракционов советского авианесущего крейсера “Варяг” и его увеличенной копии) это изменит баланс сил в Мировом океане, чего США, по мнению китайских аналитиков, допустить не смогут. Способность Китая защитить свои морские коммуникации качественно подорвёт военную гегемонию США и потому может вызвать их опережающую агрессию*. Наиболее вероятное время – 2020–2021 годы, наиболее вероятное место – Южно-Китайское море (превращаемое Китаем в своё внутреннее море насыпанием островов с размещением на них военных баз), наиболее вероятный формат – локальный конфликт.

Этот конфликт (даже если он и не расширится) может поставить крест на мечте о неуклонном росте благосостояния (не говоря об обещании Си Цзиньпина побороть смог – “вернуть голубое небо” крупнейшим мегаполисам) и вновь отбросить китайское общество от намеченного как раз на эти годы достижения уровня “средней зажиточности”, что будет воспринято им крайне болезненно.

Ведь даже одно локальное столкновение изменит всю карту мировой торговли: доступ Китая на жизненно важный для него рынок США будет кардинально ограничен, что резко повысит значение остального мира, включая Европу. Осознание этого вдыхает новую жизнь в инициативу “один пояс и один путь” – модель глобализации по-китайски, а не по-американски. *Болезненно переживая (самое позднее с 2003 года) свою неспособность осознавать глобальные последствия собственных действий, уже давно воссоздавших bipolarную систему мировых отношений, Китай прилагает огромные усилия для глобального стратегического планирования, и у него начинает получаться.*

Бинарная атака США

Консолидация власти на XIX съезде ЦК КПК в 2017 году произошла в преддверии начавшейся уже в следующем году атаки США на Китай. Агрессия носила бинарный, двойственный характер: лобовой, привлекающий наибольшее внимание удар в виде развязывания торговых войн и систематического

* Данный конфликт удастся предотвратить, если США сами, добровольно и сознательно уступят Китаю лидерство в последней из всех сфер человеческой деятельности, в которой они ещё опережают его, – наиболее значимой для себя военной сфере, что крайне маловероятно.

нарушения со стороны США достигнутых договорённостей сопровождался разжиганием конфликта в Гонконге, призванным создать в руководстве Китая полномасштабный политический кризис.

В торговой агрессии наибольшее значение имеют требования США отменить привилегированное положение госсектора китайской экономики*. По сути, это требование изменить государственный строй Китая для снижения его конкурентоспособности. Логика предельно проста: поскольку социализм с китайской спецификой оказался намного эффективней американского финансового империализма, для победы над Китаем США должны заставить его отказаться от социализма как от своего главного конкурентного преимущества. Такой отказ снизит конкурентоспособность Китая и позволит США раздавить его, не нарушая собственных, уже привычных для китайцев и принятых ими правил.

Это прямое и явное требование очевидным образом невыполнимо, но оно создаёт в Китае серьёзный внутривнутриполитический кризис, ибо прозападная часть китайской элиты уже с 2018 года ставит Си Цзиньпина в вину конфронтацию с США, не сознавая или, вполне вероятно, не желая сознавать её объективный характер.

Дополнительный инструмент обострения этого кризиса – Гонконг. Подписание его властями соглашения об автоматическом международном обмене финансовой информацией обрекло его на утрату функций глобального финансового центра, и беспорядки просто маскируют реальную причину этой крайне болезненной трансформации, которая даст о себе знать уже в ближайшем будущем.

Но главная задача этих беспорядков в другом: поставить Си Цзиньпина между “молотом” и “наковальней”.

С одной стороны, решительное наведение порядка на китайской территории (которой Гонконг является с 1997 года) вызовет жёсткую реакцию Запада, наносящую Китаю серьёзный социально-экономический ущерб. Кроме того, в Китае уже вызрел обширный слой финансового “офисного планктона” и ориентированного на него студенчества, в среде которого тоже наблюдается брожение. Даже несмотря на отсутствие западных соцсетей, не говоря уже о социальных платформах, это обеспечит недолгие, но крайне болезненные беспорядки как минимум в Пекине, Шанхае и некоторых иных мегаполисах, в первую очередь, на побережье. Прозападная часть китайской элиты не простит этого Си Цзиньпину, что может привести к лишению его власти, а значит – утрате Китаем стратегического управления в тот период глобального кризиса, когда оно особенно необходимо.

С другой стороны, терпеть продолжение хаоса – значит терять лицо (что особенно опасно в не терпящей этого китайской культуре), вызывая растущее негодование основной части китайского общества.

А беспорядки в Гонконге сами собой не рассосутся, и местные власти с ними, скорее всего, не справятся, ибо стратегический смысл этих беспорядков заключается в подрыве политической системы Китая и лишении его эффективного стратегического управления, созданного именно Си Цзиньпином и неразделимого с ним как с реальным вождём китайского народа.

Как отмечают специалисты, единственным выходом Китая из сложившегося стратегического тупика является резкое “повышение ставок” путём воссоединения с Тайванем (в силу неизбежных эксцессов это позволит резко снизить политическое влияние военных, подобно войне 1979 года; кроме того, противостояние с США по поводу воссоединения с Тайванем предпочтительней прямого столкновения с ними в Южно-Китайском море, ожидаемого в 2020-2021 годах).

Воссоединение с Тайванем поставит Си Цзиньпина в один ряд с Дэн Сяопином, вернувшем Китаю Аомынь и Сянган (Гонконг), и завершит начатое Мао Цзэдуном дело возвращения китайских земель.

Масштаб этого деяния сделает невозможным внутрикитайскую критику Си Цзиньпина и даже внутриэлитную оппозицию ему: если конфронтация с Западом из-за наведения порядка в Гонконге представляется прозападной части

* Прежде всего, в части госпредприятий, непосредственно реализующих стратегию модернизации Китая, и в особенности участвующих в принятой в 2015 году программе “Сделано в Китае – 2025”. По оценкам американских экспертов, эта программа просто уничтожает американскую конкурентоспособность.

китайской элиты неприемлемой, то за воссоединение с Тайванем Си Цзиньпину простят в тысячу раз большие трудности, чем те, которые не простили бы в связи с Гонконгом.

Как отмечает ряд российских и китайских специалистов, без воссоединения с Тайванем и связанной с ним консолидацией общества и оздоровлением политической элиты Китай (глубокие структурные проблемы которого в их полноте мало осознаются не только в России), скорее всего, не выдержит постоянно и неравномерно нарастающего напряжения глобального противостояния с агрессивно и разнообразно атакующими его США (даже если кризис в Гонконге удастся купировать).

Однако решимости воспользоваться единственной стратегической возможностью у сегодняшней китайской элиты нет, и продолжающийся рост внутреннего напряжения может привести к лишению Китая жизненно необходимого ему в условиях глобального кризиса выдающегося руководителя и стратега.

Без воссоединения с Тайванем Китай не овладеет стратегической перспективой и глобальной инициативой, а Си Цзиньпин, скорее всего, не сохранит власть. Это вернёт Китай в дурную цикличность его истории, на преодоление которой направлена комплексная, тщательно выстроенная и многообразная стратегия Си Цзиньпина, и России придётся жить в условиях новой дестабилизации великого партнёра, на неуклонный прогресс которого мы уже привыкли полагаться.

Преобразование природы человека и “ловушка добропорядочности”

Плановый характер развития распространяется не только на экономическую, но и на социальную сферу, понимаемую в широком смысле этого слова. Так, в Китае принята программа улучшения качества питания людей (и в особенности детей) не просто для улучшения их здоровья, но для увеличения их роста, — и она уже приносит плоды: средний рост китайцев увеличился на несколько сантиметров. Стоит напомнить, что в Северной Корее и России 1990-х из-за плохого питания произошло, напротив, уменьшение среднего роста людей.

Китайское руководство сознаёт не только позитивные, но и негативные стороны китайской культуры. Великолепно используя способности нации к копированию и улучшению, оно прилагает колоссальные усилия для высвобождения творческого потенциала, подавляемого жёстким коллективизмом, естественным для исторически ирригационной культуры.

Для этого с начала нулевых годов XXI века и до самого последнего времени в Китай активно привлекались носители творческого начала с Запада во всех его проявлениях, которые энергично использовались как для обучения китайской молодёжи, так и для неявного изучения. Под неформальным лозунгом: “Воспитаем поколение гениев!” — преобразовывались программы школьного и внешкольного обучения, проводились разнообразные и разнонаправленные эксперименты.

Прорывной результат пока не достигнут, и нет уверенности, что он может быть достигнут в принципе, однако усилия прилагаются и, несмотря на искоренение нелегальной занятости иностранцев, энергично осуществляющееся с 2019 года, будут всё более разнообразно прилагаться и впредь.

Наиболее значимая программа преобразования человека, вызвавшая подлинную истерику на Западе, основана на глубокой цифровизации общества, отнюдь не сводящейся к искусственному интеллекту, уже несколько лет управляющему транспортным движением мегаполиса Ханчжоу.

Классики марксизма-ленинизма давно зафиксировали, что построение коммунизма требует коренного преобразования самой природы человека, и экономические успехи — лишь предпосылка к началу решения главной задачи человеческого цивилизации: созиданию нового общества на основе новой личности.

Понимание этого, несмотря на успешное развитие рыночных отношений и всячески выпячиваемую национальную специфику, хорошо просматривается уже в современной стратегии китайского руководства, всесторонне и тщательно изучившего советский опыт и на его основе убедившегося, что, достигнув

бытового комфорта, достаточным образом с точки зрения его субъективных представлений, человек коренным образом меняет свои общественные потребности, и, чтобы он не разрушил общество социальной справедливости, его самого надо преобразовать.

Информационные технологии наконец-то дали для этого практические возможности как раз тогда, когда Китай занял первое место в мире по числу представителей среднего класса, в 2015 году обогнав США (109 против 92 млн человек), и преодолел нищету (за 2010–2017 годы доля населения с доходами ниже прожиточного минимума снизилась с более чем 10% до 3% и продолжила снижение), а в 2020 году, по прогнозу Министерства финансов Китая, его средний класс должен достичь 700 млн человек – половины официально зарегистрированного населения страны.

И, чтобы обретший благосостояние человек не превратился в мещанина и не разрушил своё общество, под скучным наименованием “система социального кредита” энергично тестируется система автоматической и комплексной оценки поведения личности на основе всеобъемлющего и непрерывного мониторинга огромных массивов прямых и косвенных признаков, собираемых и обобщаемых в рамках технологий *BIG DATA*. Они позволяют организовать тотальное наблюдение за поведением людей, в рамках которого добросовестное и солидарное поведение эффективно поощряется многочисленными материальными и социальными льготами, а нарушение принятых норм и даже просто раздражение окружающих оборачивается весьма существенным поражением в социальных правах.

Вскоре после прихода к власти Си Цзиньпина, Госсовет КНР в 2014 году опубликовал “Программу создания системы социального кредита (2014–2020)”. Она предусматривала, что к концу 2020 года не только каждая компания, но и каждый житель материкового Китая будет отслеживаться и оцениваться этой системой в режиме реального времени. Рейтинг доверия физлиц будет привязан к внутреннему паспорту. Рейтинги будут публиковаться в централизованной базе данных в интернете в свободном доступе. Главной задачей прямо называлось создание в обществе атмосферы всеобщего доверия, чтобы “оправдавшие доверие пользовались всеми благами, а утратившие доверие не могли сделать ни шагу”.

В сентябре 2016 года правительство опубликовало перечень санкций для обладателей низкого социального рейтинга: запрет на работу в госучреждениях и занятие руководящих постов в пищевой и фармацевтической промышленности, отказ в социальном обеспечении, авиабилетах, спальнях в ночных поездах, местах в люксовых гостиницах и ресторанах, особо тщательный досмотр на таможне и запрет на обучение детей в дорогих частных школах.

В начале 2017 года система заработала в пилотном режиме более чем в 30 городах Китая и постепенно расширяется по всей стране (в Пекине применение начнётся в полном объёме, как ожидается, с 1 января 2021 года). Экспериментальное применение, как обычно происходит в Китае с внедрением разнообразных новшеств, позволило “малой кровью” выявить ряд ошибок (вызванных обычно чрезмерным рвением местных властей) и предостеречь от них всех, а также выработать компромиссы по неоднозначным вопросам или, что применялось значительно чаще, вывести их за рамки оцениваемого поведения*.

В октябре 2017 года на XIX съезде КПК Си Цзиньпин поставил задачу превратить Китай в “научную и технологическую сверхдержаву”. Первой задачей на этом пути для созданного Китаем искусственного интеллекта было названо обеспечение работы системы социального кредита. Для решения этой задачи до 2030 года на развитие искусственного интеллекта Китай направит минимум

* Так, невозможно однозначно оценить наличие домашних животных. С одной стороны, это проявление гуманизма, которое нужно приветствовать, с другой – проявление бессердечия к голодающим людям (которые могли бы получить питательные вещества, уходящие на содержание животных), и за него надо карать. Вторая позиция отнюдь не является преувеличением: так, известный актёр Ярмольник заявил, баллотирываясь в Мосгордуму в 2014 году, что озаботится проблемами бездомных людей только после того, как будут решены проблемы бездомных животных (правда, за это его с треском провалили даже избиратели одного из самых обеспеченных округов Москвы).

150 млрд долларов; ещё 1,5 трлн долларов пойдёт на компьютеризацию государства и превращение Китая не позднее 2025 года в первое в мире государство, комплексно управляемое на основе *BIG DATA*.

С 1 мая 2018 года санкции (как и ограничения для компаний с низким социальным рейтингом) вступили в силу в регионах, где применяется система социального кредита.

Государственный центр информации о социальном кредите к концу 2018 года собрал данные о 14 млн нарушений, совершённых гражданами Китая (без учёта руководящих сотрудников государства и партии, а также владельцев и топ-менеджеров бизнесов). Помимо просроченных кредитов, незаконной уличной торговли, жестокого обращения с родственниками, нарушениями считается вводящая в заблуждение реклама и бытовая грубость.

В результате к началу 2019 года почти 4 млн предприятий лишились права участвовать в госзакупках, аукционах на землю, работать на фондовом рынке и заниматься внешней торговлей. 17,5 млн человек не могут купить авиабилеты, 5,5 млн – билеты на скоростной поезд, 2 млн – отправлять детей в лучшие школы (в том числе частные), 0,8 млн – поступить в вузы.

Помимо этого, в 2019 году людям с низким социальным кредитом стали запрещать переводить деньги со смартфонов, приобретать страховые полисы за наличные, ограничивать их возможности на новое строительство, расширение или дорогостоящий ремонт жилья.

При этом их фамилии систематически публикуют на рекламных экранах на улицах, в кинотеатрах перед началом популярных кинофильмов, в других общественных местах, а также на рекламных экранах на улицах, где они попадают в поле зрения систем распознавания лиц: их показывают крупным и средним планом, чтобы окружающие видели этого человека и остерегались его или выражали своё возмущение его недобросовестностью.

Нет сомнения, что тотальные и при этом крайне эффективные “кнут и пряник” трансформируют национальный характер в течение менее чем одного поколения, однако последствия этого эксперимента ещё предстоит осмыслить, в том числе и самому китайскому руководству.

Пока очевидной внутренней ловушкой этой системы представляется неизбежное подавление прорывной творчества, которое по самой своей природе является нарушением существующих норм и правил, то есть недобропорядочным поведением, обманывающим чьё-то доверие и подрывающим общую атмосферу доверия, создаваемую в обществе. Таким образом, система социального кредита вступает в очевидное противоречие со стремлением руководства Китая привить китайскому обществу способность к продуцированию принципиально нового, необходимого в современных условиях.

Возможным выходом может стать традиционное для (исторического, а не только реформистского) Китая территориальное разделение, при котором из общей территории, контролируемой системами социального кредита, будут выделены районы экспериментального развития, в которых будет поощряться творчество и будет отменён контроль за повседневной добропорядочностью.